

Саяна
ГОРСКАЯ

Одуванчик
ДЛЯ
БЫВШЕГО

Короткие романы о любви

Саяна Горская

Одуванчик для бывшего

«Автор»

2026

Горская С.

Одуванчик для бывшего / С. Горская — «Автор»,
2026 — (Короткие романы о любви)

Ассистентка Ромы суёт руку в карман и совсем по-детски достаёт скомканные купюры.- Что это?- Роман Дмитриевич дал мне.- Рома дал тебе деньги? Зачем?- На аборт.Рукой на автомате обхватываю свой живот, в котором тоже уже стучит маленькое сердечко.- Зарина Захаровна, простите! Я не знаю, как вымолить прощение... Ребёнок... этот... это... - Замолкает, но продолжает беззвучно губами шевелить.Пазл моментально складывается.- Ребёнок от Ромы?- Простите. Он не хотел... Он вас любит! Клянусь, это вышло случайно. Всего один раз... Я... Я не хотела...За шесть лет без него я успела собрать себя по кусочкам. Но вот он явился на порог моего дома, чтобы разрушить мою жизнь, уничтожить мой бизнес и вернуть свою дочь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Саяна Горская

Одуванчик для бывшего

Глава 1

Зара.

– Вот он и попался, – молодая врач поворачивает экран так, чтобы я могла рассмотреть изображение получше.

На мониторе крошечное пятнышко, едва различимое среди серых бликов. Пульсирует, будто торопится доказать своё право на существование.

– Это и есть...

– Ваш малыш. Судя по размерам, срок приблизительно семь-восемь недель.

Примерно два месяца.

Наверное, это когда Ромка перед отъездом в Питер устроил для меня романтическое свидание. Мы тогда ужинали на крыше при свечах, потом гуляли по ночной набережной, и зафиналили всё ночью, полной страсти и любви.

И вот он – плод наших стараний.

Ничего себе сходила на плановый осмотр...

– А это... точно? Это не киста?

– Никаких сомнений. Видите? Сердечко бьётся. У кисты, как правило, сердца нет, – слышу в её голосе намёк на улыбку.

Шутит.

А мне вот не до шуток. Внутри меня жизнь растёт... Господи...

– Уже и сердце есть, – бормочу растерянню. – Но я совсем ничего не чувствовала.

– Срок маленький. Это ничего, что вы пока не чувствуете. Однако ваш малыш уже очень занят – он растёт. Хотите услышать сердцебиение?

– Конечно. Кто же откажется?

– Есть и такие, кто отказывается, – она делает пару быстрых манипуляций, и в кабинете, среди полной тишины, раздаётся вдруг настойчивый бой молоточка.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Быстро, резко, как у испуганного воробья, оказавшегося в ладонях.

Дыхание спирает.

– Так часто... – Свою хмуро брови. – С ним всё хорошо?

– Абсолютно. У плода на этом сроке сердцебиение может достигать ста шестидесяти ударов в минуту. Прекрасный ритм. Сердце бьётся уверенно. Он крепкий.

– Весь в маму.

– Уже чувствуете себя мамой? – Врач склоняет голову к плечу.

– Я не чувствую. Я знаю. Если уж за что взялась, то доведу до конца. Сдаваться не в моих правилах.

– У вас, кажется, непростой характер.

– Не привыкла опираться на кого-то. С детства такая. Когда с самого раннего возраста слышишь, что никто за тебя ничего не решит, начинаешь решать сама. И вот уже не замечаешь, как тащишь всё на своих плечах.

– Это видно, – улыбается врач мягко. – Но теперь у вас будет плечо. Маленькое плечико. Опереться на него не получится, а вот обнять – вполне.

Я не очень эмоциональна по своей природе, но сейчас меня буквально топит вязким сиропом чувств, диапазона которых я никак от себя не ожидала.

Я не просто женщина сейчас. Я – дом. Убежище. Целая вселенная для кого-то очень хрупкого и уязвимого.

– Пол пока, к сожалению, сказать не могу, – врач вытаскивает датчик. – Срок маленький.

– Ничего, – из стоящей рядом коробочки тяну салфетку, вытираюсь от геля. – Пол меня не интересует. Главное, чтобы живой и здоровенький был.

Сползаю с кушетки, поправляю платье.

– Ну, с таким подходом вы точно со всем справитесь, Зарина Захаровна. Поздравляю вас!

– Спасибо, – киваю на автомате. Выходит это так нелепо и буднично, словно я благодарю человека за чашку кофе.

Забираю тонкую папку с результатами УЗИ и первым снимком нашего малыша. Расправляю плечи, выхожу из кабинета. На лице привычная маска спокойной отстранённости, словно бы и не изменилось ничего в моей жизни.

Хотя изменилось всё.

Там, внутри меня, стучит теперь новое сердечко. Независимое от моего, но тесно связанное с ним навсегда.

Лезу в папку, чтобы взглянуть ещё раз на снимок. Прижимаю к груди, крепко-крепко, как оберег, как подтверждение, что со мной действительно случилось это чудо.

Медленно иду по коридору, поворачиваю за угол и буквально влетаю в девушку.

– Извините, – бубнит она, присев, чтобы собрать разлетевшиеся из её рук бумаги.

Присаживаюсь тоже. Помогаю. Пальцы подцепляют с пола фотографию – почти такую же, как у меня в руках.

– Держите, это... – Поднимаю на девушку взгляд. – Аня?

Узнаю в случайной жертве своей неосмотрительности ассистентку Ромы. Умная и тихая девочка. Аккуратная, пунктуальная, скромная. Ромка её хвалит очень, без неё потонул бы он в своих бумажках и отчётах.

Аня в светлой блузке и пальто, перетянута ремешком. Только лицо у неё белое, как известка. Губы искусанные. Глаза круглые, воспалённые, влажные. И взгляд отсутствующий. На мгновение мне даже кажется, что она меня не узнаёт – настолько не в себе сейчас.

– Ань, ты в порядке?

Глава 2

Зара.

Она опускает глаза. Встаёт, торопливо забирает из моих рук фотографию и суёт в карман пальто.

– Да, в порядке...

– Выглядишь неважно. Что ты тут делаешь?

– То же, что и вы, вероятно.

У меня внутри ещё звучит колокольный звон радости, поэтому я улыбаюсь.

– Поздравляю тебя. Это здорово. Какой срок?

– Шесть недель... – Шепчет. И глаза её внезапно наливаются слезами. Блестящими, крупными.

Напрягаюсь и вытягиваюсь по струнке.

Что-то не так...

– Эй... – подхожу ближе, кладу руку ей на плечо. – У тебя проблемы?

– Это не важно...

– Ань, у тебя ребёнок будет. Это ведь самое важное!

– Этому ребёнку нельзя появляться на свет.

– Что? Почему? У тебя с деньгами проблемы? Я помогу. Я поговорю с Ромой. Мы всё уладим.

Аня судорожно вдыхает, мотает головой.

– Роману Дмитриевичу не надо ничего рассказывать... Он знает.

– Знает? – Мозг, пытаюсь переварить, делает кувырок. – Ну... И что он сказал?

Аня поднимает на меня глаза. В них бездна. Отчаяние. Раскаяние. Боль. Она суёт руку в карман и совсем по-детски достаёт скомканные купюры. Держит их в кулаке, как что-то постыдное, грязное.

– Что это?

– Роман Дмитриевич дал мне, – шепчет на выдохе.

Очередной кувырок извилин в голове.

– Дал тебе? Зачем?

– На... На аборт. Зарина Захаровна, простите! Я не знаю, как вымолить прощение... Ребёнок... этот... это... – Замолкает, но продолжает беззвучно губами шевелить.

Внутри меня что-то разламывается и тихо опадает, застревая отравленным кинжалом где-то между сердцем и желудком.

Зара не дура...

Пазл моментально складывается.

– Ребёнок от Ромы?

– Простите, – всхлипывает громко и срывается в плач. Вжимает голову в плечи, словно боится, что я накинусь на неё с кулаками.

– Когда это случилось?

– На конференции... В Питере... Он не хотел... Он вас любит... Клянусь, это вышло случайно. Всего один раз... Я... Я не хотела...

Сжимаю челюсти. Пульс, оглушая, долбит в уши. Картинка перед глазами плывёт.

– Зарина Захаровна, я всё исправлю! Я не буду мешать, честно... Я избавлюсь от ребёнка. Роман Дмитриевич сам сказал, что не нужен он ему. Он любит вас. Только вас. А я... Я просто... Ошибка... Я никому не нужна...

– Стоп, – делаю глубокий вдох. – Ты хочешь этого ребёнка?

– Очень хочу. Я всегда мечтала о ма-ма-малыше...

– Я поговорю с Ромой.

– Нет! – Аня вцепляется скрюченными пальцами в моё предплечье. – Он убьёт меня, если узнает, что я всё вам рассказала! Никогда не простит! Уволит. Я останусь одна. Совсем. У меня никого нет. Как же я справлюсь? Как?! Вы не должны... Прошу вас, не говорите! Я просто сделаю это. Я сделаю то, что должна.

На инстинктах кладу ладонь на свой живот.

Да, Рома может быть очень жёстким, но жестоким...?

С какой легкостью он готов прервать новую жизнь. Поставить точку там, где должна быть запятая.

Аня ревёт громко. Горько. Некрасиво. Ревёт, размазывая по щекам слёзы и тушь.

– Я сделаю это. Сделаю.

– Дура, замолчи! – Зло хватаю её за плечи и встряхиваю как следует. – Не смей так говорить, слышишь? Не смей даже думать об этом! Смотри на меня!

Она резко поднимает взгляд.

– Этот ребёнок – не его. Он твой. И ты не обязана ничего у него спрашивать. Ты родишь. И будешь любить своё дитя.

– Я не справлюсь.

– Справишься! Выбора нет. Нельзя падать, Аня. Стоять придётся. В одиночку. Но ты справишься. Бог поможет. Ты поняла?

Кивает.

В глазах отчаяние, боль и страх, в котором можно утонуть.

– А теперь домой иди. Иди и подумай, как ты будешь жить дальше. Тебе придётся быть сильной.

– Но Зарина Заха...

– Иди!

Аня, шмыгнув пару раз носом на прощание, убегает.

Без сил тоже плетусь к выходу из клиники. На улице дождь стеной. Я выхожу из-под крыши, но к машине не тороплюсь. Стоя под хлёсткими ледяными каплями, закрываю глаза. Из меня словно разом весь воздух выкачали.

Я пустая.

Он мне изменил.

Он. Мне. Изменил.

Предал.

Если бы я была нормальной, я бы заплакала, как по инструкции. Но я не могу, нет слёз. Только мысли. Рваные, ядовитые. И тяжёлые, как булыжники.

Я должна плакать. Сейчас самое время. Почти киношный момент: проливной дождь, мокрые ресницы, разбитое сердце. А я стою невозмутимая как кирпич. Над бездомной кошкой могу всплакнуть. Над героем, умирающим на сцене под аплодисменты. А над своим горем – нет.

Не умею.

Может, оно и к лучшему. Я просто приеду домой, встану под душ и смою с себя остатки глупых иллюзий. Потом сделаю кофе и подумаю, что делать дальше.

Я сильная. Иногда сильнее, чем нужно. В этом моя беда и моя свобода.

Может быть позже, ночью, когда я останусь одна, и спальня наполнится непроницаемой тишиной, с меня, словно вторую кожу, сорвёт эту стальную броню. И вот тогда я поплачу.

Достаю телефон. Смотрю в экран на сообщение от Ромы, висящее в уведомлениях.

Я не та женщина, с которой можно так обходиться. Предательства не прощаю, с лжецами и изменщиками мне не по пути. Он больше не имеет права знать, что у меня будет ребёнок.

Удаляю номер и блокирую абонента.

Без драм и сцен.
Просто точка. Там, где когда-то была запятая.

Глава 3

Шесть лет спустя.

Роман.

– Это что ещё такое? – Впиваюсь взглядом в экран, на чёткую линию, безапелляционно устремившуюся вниз.

Цифры не врут. Шестой месяц подряд отчёты показывают просадку в одном из моих проектов – отель в Карелии теряет клиентов. Не резко, но уверенно и стабильно.

– Роман Дмитрич, это временное снижение активности. Лето только начинается, – Марк, мой финансовый аналитик, задумчиво крутит ручку в пальцах. – Народ ещё не проснулся. Подождём таргетинг, подтянем конверсии...

– Конверсии он подтянет. Марк, у нас минус тридцать процентов по сравнению с прошлым сезоном, и это за три недели. Это катастрофа, а не снижение активности. Если где-то упал спрос, значит где-то он вырос. Найдите!

– Уже. Мы запрашивали обратную связь от клиентов, и, согласно свежим данным, значительная часть потенциальных гостей выбирает...

Он замолкает. Остальные в кабинете переглядываются.

– Марк, кончай со мной заигрывать, я тебе не за интригу плачу. Что выбирают? – Требовательно вздёргиваю бровь.

– Малиновку.

– Чего?

– Того. Маленькое поселение в глубинке. Инфраструктуры ноль, но бронь идёт стабильно, в пик у них огромная очередь на размещение. Население около двухсот человек. Несколько гостевых домиков. Простейшие условия проживания: фермерская еда, печка, ручная посуда... И, судя по отзывам, невероятная атмосфера.

– Атмосфера? Хочешь сказать, я теряю клиентов из-за атмосферы?

Малиновка...

Мы уже слышали об этой деревне года три назад. Тогда это казалось забавным. Куры, коровы, грядки, грязь.

Посмотрели. Поржали. Забыли.

А зря.

Теперь эта деревня отжирает у меня часть дохода.

Хмурюсь.

– Как? Как какая-то грёбаная деревня может составлять конкуренцию нашим лакшери-отелям?

– Не только нашим отелям. За прошлый год они выросли на семьдесят четыре процента. Увы, Роман Дмитрич, – Лариса, мой директор по пиару, разводит руками в стороны. – У них отлично работает сарафанное радио. Блогеры приезжают туда на модный сейчас цифровой детокс. Отзывы в соцсетях пестрят восторгами.

– Анечка, будь добра... – Делаю короткий жест своей ассистентке, и она тут же протягивает планшет с выведенным на экран профилем этой Малиновки в соцсетях.

Лезу в упоминания от пользователей.

Молоко в глиняном кувшине, малина в ладонях. Хэштег *#настоящаяРоссия*.

Листаю дальше. То же самое. Банька. Коровы на лугу. Пирог на подоконнике. Под каждым постом одно и то же: «Вернулась к себе», «Впервые почувствовала, что дышу», «Не отель, а настоящее место силы».

С удивлением обнаруживаю среди гостей Новикова – директора сети супермаркетов. Он пять лет подряд отдыхал в моих отелях, а теперь вот, с семьёй и собакой в Малиновке. У мангала. Счастливый.

Тфу ты!

Челюсть сводит.

– Кто хозяин?

– Сейчас я... – Аня забирает планшет, совершает пару быстрых манипуляций и возвращает его в мои руки. – ИП зарегистрировано на Читикова А.Н.

– Читиков... Читиков... – Пролистываю уставные документы. – Знакомое что-то. Кто такой Читиков?

– Без понятия, – Марк жмёт плечами. – Владелец формальный. Вся система построена на частной аренде – домики, бани, пекарни. Всё местное, домашнее. Натурпродукт. И, по слухам, всем этим руководит женщина. Железная леди.

– Кто?

– Хороший вопрос. Ни имени, ни лица. Только упоминания в соцсетях. Говорят, маленькая, но с характером и стальными... Фаберже.

У меня не выходит сдержать саркастической усмешки. Во мне закипает злое любопытство.

Маленькая хозяйка большой деревни, чёрт бы её побрал. Кто она такая?

Вот она, конкуренция двадцать первого века. Не огромная корпорация, а какой-то вшивый ИП, который понятия не имеет, что такое пиар, и разносит мастодонтов отрасли отзывами в духе «домашняя еда, добрые люди, тёплое молоко».

Откидываюсь на спинку кресла, прожигая взглядом уехавшую вниз линию графика.

– Так, ладно, кто-нибудь из наших уже там был?

Коллеги отводят взгляд. Лариса делает вид, что ей срочно нужно что-то записать.

– Серьёзно? И как же вы, господа аналитики, анализируете конкурентов, ни разу не попробовав их продукт? Значит так, кто-то должен поехать туда. Своими глазами посмотреть, чем они там дышат, и почему наш клиент уходит за триста километров в глушь, когда у нас натурально – сеть эко-отелей с рейтингом выше четырёх с половиной. Кто поедет? Кто хочет в отпуск? Лариса?

– Я в курятник? Ни за что! – Брезгливо морщится. – У меня, между прочим, мастер по маникюру в декрет уходит. Надо успеть на последнюю запись к ней. Да и не приспособлена я к этой... природе.

– Твою природу я понял, – ворчу. – Марк?

– Не могу, Роман Дмитрич. У меня мать в больнице. Я б с удовольствием сорвался, честно. Но не могу.

– Понятно, – поднимаюсь с места, подхожу к окну.

Москва раскинулась внизу – понятная, прогнозируемая, предсказуемая. А где-то в Карелии, среди леса и озёр, маленькая женщина развалила мне цифры, украв прибыль и клиентов.

– Ты сам-то когда в отпуске был, Роман Дмитрич? – Спрашивает Марк.

– Я? В прошлом веке, кажется.

– Ну так поезжай. Чего тебе? Отдохнёшь хоть. А то ты у нас уже сам как график дохода.

– У меня, между прочим, восемнадцать отелей по стране. Это и есть мой отдых, – прищуриваюсь, глядя на залитые солнцем крыши домов. – Но идея здравая. Почему бы и нет? Анечка, а сделай-ка мне бронь, будь добра.

– Конечно, – суетливо кивает ассистентка, тонкими пальцами тыча в кнопки на планшете. – Свяжусь с администрацией, скажу, что едет важная персона. Пусть подготовят максимум комфорта...

– Нет. – Поднимаю ладонь. – Никаких особых условий. Я – простой смертный. Пусть обслуживают как всех.

Аня бросает на меня быстрый, изучающий взгляд, но спорить не решается.

– Как скажете, Роман Дмитриевич. Вы поедете один?

– А с кем?

– Возможно, будет разумно, чтобы я поехала с вами. На случай, если потребуется координация или... – Замолкает.

Аня умная, верная делу. Не лезет с глупыми вопросами, не рисуется, и за несколько лет совместной работы изучила меня настолько, что наперёд знает, о чём я попрошу в следующий момент. Её помощь и правда может оказаться очень кстати. Будет помогать мне искать слабые места противника, чтобы потом расплющить его, как жука.

– Хорошо, забронируй два номера.

– Размещение осуществляется только в домики, – утыкается в планшет Аня.

– Большие домики?

– Нет, небольшие.

– Тогда бронируй два домика на ближайшую возможную дату. Если в «отпуске» я буду не доступен, все оперативные вопросы решаем через Аню. Марк, держи руку на пульсе. Через месяц я хочу на этом графике видеть разворот вверх. Так, – хлопаю в ладони. – На сегодня мы закончили, уважаемые коллеги. Возвращайтесь к работе. А с этой Малиновкой... Будем посмотреть.

Все поднимаются из-за длинного стола и покидают зал совещаний. Только Марк остаётся на своём месте.

– Ты что-то хотел?

– Слушай, Ром... – Мнётся. – Ты уверен, что брать с собой Аню это хорошая идея?

– А что не так? В чём дело?

– Она ж к тебе неровно дышит.

– Что за глупости? С чего ты это взял?

– Да она на тебя плотоядно смотрит!

– Когда?

– Всегда! – Всплескивает руками.

– Бред. Я такие вещи замечаю, уж поверь.

– Ты вообще кроме своей работы ничего не замечаешь, – усмехается Марк.

Аня и я?

Большую глупость и придумать сложно. Она, конечно, ничего в целом, но вообще не в моём вкусе. Да и привык я к ней так, что едва ли обращаю на неё больше внимания, чем на офисную мебель.

– Нет, в Ане я уверен, она настоящий профессионал.

– В её профессиональных качествах я и не сомневаюсь, а вот как женщина она явно настроила свои радары на твою частоту.

– Слушай, да за семь лет, что она у меня работает, не было ни единого даже намёка на какие-то там чувства.

– Да? – Марк ведёт бровью со скепсисом. – А на корпоративе тогда что было?

– Ой, ну перебрала девка, что ты начинаешь? С кем не бывает?

– Ну, хорошо. А когда она разделась в твоём кабинете?

– Она не знала, что я там, – отмахиваюсь легкомысленно. – Ей нужно было переодеться, она пролила кофе на блузку.

– Ну да, или решила посветить перед тобой сиськами.

– Ты придумываешь! – Морщусь.

Марк качает головой. Подхватив со стола папки с документами, встаёт.

– Слушай, это конечно твоё дело, но ты с ней поосторожней там, ага? Не доверяй ей.

– Она моя личная ассистентка, как я могу ей не доверять?

– Ладно, Ром. Моё дело предупредить.

Хлопнув меня по плечу, Марк выходит. А я снова смотрю на экран.

Малиновка... Сельская местность, леса, тишина.

Я не верю в сказки. Ни в чудеса, ни в народную душу, ни в пироги, от которых взрослые мужики рыдают. Но если эта деревня действительно держит рынок за яйца, я хочу посмотреть в глаза той, кто этим занимается.

Чтобы потом раздавить.

Глава 4

Зара.

– Мда... И что нам теперь с тобой делать? – Спрашиваю устало, глядя в огромные, круглые и полные испуга глаза Зорьки.

Корова стоит по самую шею в мутной воде, в яме, что осталась ещё с советских времён – здесь когда-то была силосная яма, потом вроде как пруд копали. Не докопали, забросили, забыли. А Зорька вот вспомнила. Второй раз за год.

Мы яму эту досками перекрываем, да ребяшня местная стройматериал на шалаши мигом растаскивает. А закопать ресурса пока нет. И хорошо, что она обычно пустая стоит. А после недели затяжных дождей вот, водой наполнилась.

Вокруг толпятся мужики. Топчутся на краю, переглядываются.

– Что делать будем? Как в прошлый раз? – Гена, плотник наш, потирает затылок.

– А Зараза что говорит?

Усмехаюсь тихо. Прилипло же прозвище.

Нет, это они ласково. Обижать меня тут никто не станет.

Сначала звали «Зара Захаровна», которое очень быстро превратилось в «ЗаразаХаровна». Вскоре мы отменили всяческие формальности, оставив простое «Зараза».

– Как в прошлый раз, – киваю. – Подгоняйте машину. Лебёдку тяните. Только без резких движений, Зоренька наша уже на взводе.

Опускаюсь на корточки у кромки ямы. Тяну руку к Зорьке, та нервно передёргивает ушами. Глаза влажные, шерсть цвета молочного шоколада блестит от воды.

– Тихо, девочка. Сейчас вытащим тебя. Держись. Терпи, – шепчу, успокаивая её, как ребёнка.

Зорька, как ни странно, слушает. Дышит тяжело, но не мечется.

– Дура ты упрямая. Ну кто тебя тащил сюда, а? Травы не хватало? Или острых ощущений захотелось?

Она тянется ко мне мордой, хлюпает носом и фыркает, будто раскаивается. А я ладонью веду по бархатному тёплому лбу.

Вот ведь мучение, а не корова.

От тревоги тянет в животе. Не люблю, когда подопечные в беде. Даже если подопечная – пятисоткилограммовая дурында, что вечно лезет туда, куда не просят. Если где можно застрять, она там и окажется. То в забор рогами влетит, то в огород к бабе Нюре залезет морковку воровать, и запутается в проволоке.

– Зараза, а может, ну её? – Ворчит дед Коля, местный советчик на все случаи жизни. – Сдадим эту головную боль на комбинат. Сколько можно каждый месяц народ гонять?

Резко поворачиваюсь. Ледяной взгляд срабатывает лучше повышенного тона.

– Понял, – поднимает руки в примирительном жесте. – Тогда яму эту засыпать надо. Давно уж пора.

– Я уже говорила. Я дважды звонила в райцентр, спецтехнику нам не пришлют до конца июля. Самосвалы сейчас все на трассу согнали, там асфальт кладут.

Мужики вздыхают и матерятся, однако спорить никто не лезет – знают: если я что сказала, значит, так оно и есть. И если бы можно было сделать по-другому, я бы уже сделала.

Гудит мотор подъезжающей машины. Мужики вытягивают трос. Машут мне, мол, отходи. Сую руки в карманы штанов, стараюсь сохранять внешнее спокойствие, только сердце колотится быстрее обычного.

Не от страха.

От злости. На эту проклятую яму и на себя. На то, что меня не хватает быть везде и сразу, к моему огромному сожалению.

Мужики вязнут по щиколотку в грязи. Воняет тиной и каким-то болотным перегаром. Зорьку обвязывают стропами под грудью.

– Аккуратней, ребят. Медленно. Без рывков.

Трос натягивается, вода колышется, Зорьку дёргает вперёд. Она мычит так, что в ушах звенит. Воет сиреной. Как будто жалуется и на себя, и на судьбу, и на то, что опять во что-то влипла.

– Стоп! – поднимаю руку.

Машина тормозит. Зорька, словно окаменев, выкатывает глаза.

– Да страшно ей просто! Тяни!

– Нет, – качаю головой. – Она не боится. Болит что-то. Зацепилась, может?

Мужики переглядываются, чешут головы.

Снимаю рубашку, стаскиваю свободные штаны. Под ними – просто хлопковое бельё и длинная футболка. Никто не ржёт и не пялится. Я не женщина для них.

Шагаю в мутно-зелёную застойную воду. Холодная жижа, воняющая илом, со счастливым хлопком обволакивает мои ноги. Спускаюсь по пояс, по горло... Последнее, что вижу – округлившиеся глаза Зорьки. Делаю глубокий вдох и ухожу с головой.

Мрак. Вязкая темнота. Наощупь иду вдоль бока Зорьки, пальцы скользят по мокрой шкуре. Корова дёргается, но я мимолётно глажу её по бедру, успокаивая.

Пальцы отыскивают верёвку, туго обвязанную вокруг задней ноги.

Дёргаю – нет, не идёт.

Всплываю.

– Нож!

Секунда, и в руке оказывается старый охотничий нож. Снова ныряю. Режу осторожно, чтобы не поранить Зорьку. Устремляюсь к поверхности.

– Готово. Тяните! – Пытаюсь отдышаться.

Машина снова гудит. Трос натягивается, и Зорька, чавкая копытами по грязи, медленно вылезает из ямы. Мужики её подстраховывают, подталкивают с боков, чтоб не завалилась. Когда она, вся дрожащая и обмякшая, встает на ноги, никто не пускается в рукоплескания – мужчины лишь молча и с облегчением выдыхают.

Петька помогает мне выбраться наружу. На плечи мои тут же кто-то накидывает тёплую флисовую кофту, согретую теплом чужого тела.

– Вот она, настоящая русская баба! – Шутят мужики. – И коня остановит, и корову спасёт.

– Иди-ка ты домой, – качает с укором головой дед Коля. – Заболеешь.

Скручивая волосы в жгут, выжимаю из них воду.

– Зараза к заразе не липнет, – улыбаюсь. Наглаживаю Зорьку по носу, заглядываю в огромные, благодарные глаза. – Артистку нашу к Наталье отведите, пускай осмотрит.

Влетаю в свои свободные штаны, взмахиваю устало рукой на прощание и медленно бреду к дому. Мне нужна баня. И горячий чай. А еще пару минут пообниматься с Василиской, моим маленьким одуванчиком. Она наверняка бедной бабе Тасе покою не даёт весь день.

Вечереет. В воздухе витает запах яблоневого цвета. Ветерок чуть холодит влажную кожу.

Иду по деревне – родной, можно сказать, выстрадавшей. Вокруг бурлит жизнь, на поляне под навесом баба Тома варит очень модное нынче одуванчиковое варенье, а вокруг неё толпятся городские красавицы. Щебечут, снимают на телефоны.

А я...

Я не верю иногда, что всё это теперь наше. Что здесь теперь шумят голоса, смеются дети, и тянется вдаль ровный ряд аккуратных, добротных домов с резными наличниками. Только в прошлом году восемнадцать построили. А впереди – ещё больше.

Каждый дом – ребёнок, появившийся на свет в моей упрямой любви к этой земле.

У одного из гостевых домиков, у колодца, замечаю женщину. Она медленно вытягивает полное воды ведро и переливает в канистру.

Елена Сергеевна – заместитель генерального директора нефтяной компании, однако к нам приезжает уже второй сезон подряд. Говорит, здесь лучше, чем в Турции.

– Добрый вечер!

– Добрый, Зара! И правда добрый. Потеплело. А пахнет как!

– Яблоня цветёт, – улыбаюсь. – У вас вода закончилась? Кого-нибудь прислать в помощь?

– Нет-нет, сама. Хочу, чтобы руки и спина хоть немного вспомнили, что они у меня есть.

А то засиделась в своём офисе совсем.

– Не забудьте, у нас сегодня костёр. Горячий чай, песни под гитару. Присоединяйтесь.

– Спасибо, обязательно буду, – кивает она и снова сосредотачивает внимание на колодце.

Через главные ворота по гравию с глухим хрустом закатывается автомобиль. Машина большая, чёрная, и наполирована так, что блестит в лучах закатного солнца. Дорогая и, вероятно, только из салона. Однако вовсе не машина вызывает во мне интерес.

Из салона выходит мужчина в костюме. Что-то в силуэте этого человека цепляет мой взгляд и буквально приковывает к себе. Но что?

Какой-то знакомый разворот плеч. Знакомая манера закладывать руки за спину. Эти гладкие, словно отточенные, движения.

Кому оно всё принадлежит?

Вспомнить не выходит, и разглядеть не получается – далеко.

Заинтригованная, напрочь забываю о том, что насквозь мокрая, и собиралась вообще-то отогреться дома чаем. На каких-то внутренних рычагах, по инерции, делаю пару шагов вперёд.

– Мама! – Слышу голос за спиной.

С трудом отрываю взгляд от мужчины, подхватываю дочку на руки.

– Мам, а ты знаешь, что если долго смотреть на облако, то оно обязательно превратится во что-нибудь хорошее? – Шепчет она, прижавшись щёчкой к моему подбородку.

– Правда? Во что, например?

– Сегодня я видела, как одно облако стало зайцем. А потом вишнёвым пирогом.

– Наверное, ты голодная на облака смотрела. Вечером испеку тебе пирог, договорились?

– А песни?

– Сначала пирог, а потом пойдём песни слушать.

– Я такое люблю! – Тянет Васька.

Подвижная очень и шустрая у меня девочка. Всё время что-то открывает, всё время ищет новое. И бедная баба Тася, наша соседка, единственная, кому удаётся с моей непоседой справиться и увлечь чем-то интересным.

Баб Тася к этому времени до нас доходит.

– Сорвалась, егоза, – кивает на Васю. – Только тебя увидела, и пулей!

– Ничего. Баб Тась, будь добра, пригляди за Василисой ещё пару часов? Мне бы в яблоневый сад сходить. У нас там все цветы сорняк передушил. Прополю да полью.

Баб Тася бережно принимает у меня дочку.

– Конечно, Зара. Не беспокойся, я с ней. Работай, сколько нужно.

– Васенька, я тебя скоро заберу, хорошо?

– Хорошо, – кивает. Сучит ножками, требуя отпустить её, а едва босые стопы касаются земли, как Васька пускается в бег.

– Ух, догоню сейчас хулиганку! – Шутливо бормочет ей вслед баб Тася и уходит.

Я провожаю их взглядом, но прежде, чем отправиться домой, снова оборачиваюсь на мужчину, чей силуэт заставляет что-то внутри жалобно скрестись.

Кто же ты?

Глава 5

Роман.

На арендованном круизере врываемся с Аней в деревню.

Малиновка – обычная карельская глушь: леса, луга, полевые цветы, ржавые вывески. Людей куда больше, чем я ожидал.

Гравий под шинами хрустит печальными, хлесткими аккордами. Останавливаюсь у домика администрации – невысокой избы с резными наличниками. Выхожу и обхожу машину с другой стороны. Открываю перед Аней дверь.

– Ну, как тебе первое впечатление?

– Красота... – морщится брезгливо. Ступает на пыльную дорогу своими аккуратными туфельками, обмахивает ладонью лицо. – Что за запах?

– Полагаю, навоз.

– Кошмар... Антисанитария.

– Идём, – подхватываю наши сумки и киваю ей в сторону администрации.

Внутри нас встречает дородная тётка лет шестидесяти: круглые розовые щёки, выгоревший ситцевый сарафан, поверх которого накинут вязаный жилет. На грубо сколоченной стойке перед ней стоит блюдо с засахаренными ягодами и кружка с дымящимся чаем.

Безобразие какое...

В моих отелях на ресепшене у девочек даже маникюр под цвет бренда сделан, а здесь сотрудники жуют ягоды и распивают чай прямо на рабочем месте.

– Добрый день! – Улыбается радушно эта труженица колхозного фронта. – Что привело вас к нам?

Мрачно улыбаюсь в ответ.

– Трагическое стечение обстоятельств. Роман Истомин. Бронь на два домика, – бросаю паспорт на стойку.

Жду, пока дружелюбная тётя залезет в комп, но не тут-то было! Она открывает толстенный журнал, шуршит страницами, ведёт по строчкам пальцем.

– Так... Истомин, есть. Дом номер восемнадцать, – захлопывает торжественно журнал.

– А второй?

– Второй?

– Мы два дома бронировали, – поджимаю губы.

Ну вот, бардак. Что и требовалось доказать.

Женщина вновь открывает журнал, вновь шуршит страницами и ведёт пальцем. И всё это тя-я-я-нется... Я теряю драгоценное время, а меня крайне бесит терять время.

Мать вашу...

Куда я попал?

– Хм... Нет, на ваше имя забронирован лишь один дом. Двухместный «уютный».

– Это ошибка какая-то, проверьте ещё раз.

Аня краснеет рядом.

– Роман Дмитриевич, я лично звонила и подавала заявку на бронь двух домов. Возможно, сбой в системе...

– Нет-нет! – Перебивает тётка. – Никакого сбоя!

– Конечно, Аня, о чём ты только думаешь? Нет системы – нет сбоя! – Язвлю. – Так, главного администратора мне сюда.

– Это я, – тётя заливается густым румянцем.

Вздыхаю раздражённо.

– Окей, менеджера смены.

– И это... тоже... я.

– О, прекрасно! Кто у вас тут начальник?

– Свободных домиков в ближайшие две недели всё равно не будет.

– Наплевать. Хочу видеть этого человека немедленно!

– А, так это... Зараза наша у силосной ямы была, да только не сидит она на месте. Вы у народа поспрашивайте, где она.

Зараза?

Бог ты мой.

Всё хуже, чем я думал. Это вот так они начальницу величают? А как же субординация? Как же, мать его, уважение?

Я теперь, словно сорванец, должен бегать по округе и разыскивать эту... Заразу.

Резко развернувшись на пятках, иду к выходу.

– Роман Дмитриевич, вы куда? – Догоняет Аня.

– Забирай ключи от восемнадцатого и заселяйся. Схожу решу нашу проблему.

– А может, ну его? Сказали ведь, что свободных нет. Наверняка в доме найдётся два спальных места, – тупит глаза в пол.

И почему-то в голове всплывают слова Марка о том, что с Анькой стоит держать ухо востро. Однако я тут же вытряхиваю эту мысль.

– Я всё же попытаюсь хоть что-то предпринять.

Ухожу на поиски Заразы этой. Местные, словно нарочно, говорят что попало, и показания их не сходятся. Я как дурачок рассекаю по всему посёлку. Сорок кругов ада, навозного благовония и сельских шарад, и мой квест, наконец, завершается в яблонево́м саду.

За низкой кроной цветущих яблонь вижу женскую фигуру. Простое длинное платье в пятнах свежей земли, волосы собраны в грубый узел. Она стоит на коленях у клумбы, ладонью разгребает рыхлую почву и что-то поправляет у корней цветов.

И я без труда узнаю в этой женщине ту, что вырвала когда-то безжалостно сердце из моей груди.

Я вижу Зару...

Глава 6

Роман.

Ни на секунду не сомневаюсь, хотя вижу лишь профиль. Сердце, словно баскетбольный мяч, отскакивает от рёбер куда-то к горлу, а потом проваливается обратно, тяжёлым и метким трёхочковым падая на место.

Делаю ещё два шага.

Под подошвой хрустит ветка, и Зара вскидывает голову.

Серые глаза, именно те, что снились мне чёртову вечность, расширяются. Алые губы вздрагивают. На хмуром лице ни намёка на улыбку, впрочем, её улыбок я сейчас и не жду.

– Зара? – Её имя выходит хриплым и скрипучим.

Она резко поднимается на ноги, смахивает землю с ладоней. Делает два шага назад.

– Подожди, – выбросив вперёд руку, тоже делаю шаг. Каких-то несколько метров, и расстояния между нами не останется.

Но в этот миг она действует так, как умеет только Зара: молча сбегает.

– Зарина! – Бросаюсь следом.

Она мелькает впереди ярким пятном: бронзовая кожа, выбеленные солнцем пряди волос. Её льняное платье летит за ней парусом, захватывая в складки воздух.

Трава пружинит под подошвой.

– Зара! Постой! – Голос рвётся из груди вместе с горячим воздухом и эхом разносится по саду.

Она не оборачивается. Легко и бесшумно скользит меж стволов, будто и сама часть этого сада. Срезает угол, прячась за раскидистую ветку, и мчится дальше к заросшей тропке, где деревья смыкаются почти вплотную.

Секунда – и узкий проход проглатывает её фигуру.

Мне приходится приложить усилия, чтобы продрасться через ветви в том же месте. Сучья цепляются за рукава рубашки.

Рву дистанцию между нами.

Пальцы смыкаются на тонкой талии. Разворачиваю её к себе и рывком впечатываю спиной в шершавый ствол яблони. Дерево содрогается, лепестки срываются целым вихрем и оседают на наши плечи, волосы.

Наше дыхание смешивается.

Грудь Зары вздымается под белой тканью, платье липнет к влажной коже.

Запахи яблоневого цвета и тёплого человеческого тела смешиваются, лупят в голову и пьянят не хуже вина.

К щеке её прилипает белый лепесток, и мой собственный палец, не спрашивая, смахивает его, как пятно, мешающее рассмотреть всю картинку целиком.

– Зара...

Она упрямо молчит.

Между нами лишь колебания тёплого воздуха, невидимый перехлест пульсаций.

На секунду всё замирает, как в стоп-кадре, и слышно лишь, как где-то в глубине сада хрустит ветка.

Щёлк.

Словно режиссёр хлопнул хлопущей, но следующего кадра пока нет.

И мир сейчас существует только в трёх цветах: бронза её кожи, алая притягательность губ, туманная серость глаз. Все остальные оттенки история беспощадно стирает ластиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.